

А. Ведерников исполняет один из эпизодов центральной сольной партии «Патетической оратории» Г. Свиридова.

Фото А. ТРОШИНА.

БОЛЬШОЕ артистическое обаяние, настоящий талант не могут не притягивать к себе. Раз испытав на себе чары великолепного искусства Святослава Рихтера и Даниила Шафрана, Зары Долюхановой и Леонида Когана, хочется слушать их еще и еще — в новой или даже старой программе, ибо всегда общение с их исполнительским творчеством кажется каким-то открытием в мире музыки.

Но бывает и так, что вам удается почувствовать большое артистическое обаяние у безвестного еще студента консерватории.

...Не помню точно, когда это произошло. Скорее всего на одном из вечеров вокального факультета Московской консерватории в 1952/53 учебном году. В большой массе студентов, певших тогда, запомнился Саша Ведерников. Молодой вокалист, еще только постигающий тайны профессиональной певческой техники, казалось бы, вовсе не заблудился о том, как он поет и верно ли интонирует. Его заботило, вероятнее всего, лишь одно: выражает ли голос то эмоциональное состояние, которое порождено музыкальным образом произведения. Уже тогда в молодом студенте угадывался тот подлинный артистизм певца, когда все ресурсы техники, словно бы незаметно отошедшие на задний план, устремлены к одной цели: заставить слушателя не только поверить в то, что он живет в эту минуту жизнью своего музыкального героя, но и переживать с ним эту минуту так же искренне, как и он сам.

И тогда же, на школьной скамье, Саша Ведерников, привлекая пристальное внимание своей работой в Оперной студии консерватории. Здесь им были спеты едва ли не все басовые партии опер, шедших в тот период на этой скромной сцене: Дон Базилио («Севильский цирюльник») и Собакин («Царская невеста»), Мороз, Бермята и Первый Бирюч («Снегурочка»), Гремлин и Зарецкий («Евгений Онегин»). Дон Базилио студента Ведерникова был так сочен и великолепен, что невольно думалось тогда — вот бы такого в Большой театр! Конечно, Дон Базилио — одна из наиболее ярких партий басового репертуара, а что можно сказать о едва заметной роли Зарецкого? Но именно Зарецкий — Ведерников запомнился мне в консерваторском «Онегине». Огромное впечатление произвело и его исполнение роли Собакина. Во втором действии глаза Собакина — Ведерникова излучали отеческую любовь к Марфе и Лыкову и полноту счастья жизни, они сразу же приковывали к себе взгляд при страшном известии. Малю-

ты Скуратова — в третьем, они были полны глубокого страдания — в четвертом.

Все та было от самого Ведерникова — и блистательный Дон Базилио, и незабываемые глаза Собакина, и даже то, как крестился Зарецкий, склонившись над убитым Ленским. Этому не научит ни один оперный режиссер. И становилось ясным, что в Александре Ведерникове живет драматический актер, по счастью обладающий к тому же большим и сильным голосом.

Во всяком случае, «актерское» в студенческие годы Ведерникова преобладало над «певческим» — и это было очевидно. Упорная работа над всеми премудростями вокальной школы шла своим чередом, но здесь на первых порах еще не было больших завоеваний. Не все и не всегда звучало красиво, не было еще ровной кантлены, тембр голоса порой казался то глуховатым, то резким, словно бы лишенным тепла. Но те или иные шероховатости со временем сглаживались, вырабатывалась естественная, непосредственная манера пения, тембр, освобожденный от лишнего призвуков, стал теплее, звук приобрел округлость и сочность.

В консерваторские же годы продолжался и интенсивный духовный рост — жадно поглощались книги, посещались концерты, музеи и художественные выставки, куда А. Ведерникова, наделенного и даром живописца, особенно влекло. И эта последняя «увлеченность» по-своему обогащала и оплодотворяла талантливую певца.

ПОСЛЕ успешного окончания консерватории (в 1955 году) по классу педагога Р. Альберт следуют два сезона в Ленинградском театре оперы и балета имени С. М. Кирова и затем переход в Большой театр Союза ССР, солистом которого А. Ведерников является и по сей день, — итог отличный для молодого певца, если учесть, какое количество партий самого различного плана он спел за это сравнительно короткое время. Сусанин, Пимен («Борис Годунов»), Фарлаф («Руслан и Людмила»), Досифей («Хованщина»), Владимир Галицкий («Князь Игорь»), Варяжский гость («Садко»), Салтан, Мамыров («Чародейка»), Монтероне («Риголетто»), Лепорелло и Мазетто («Дон Жуан»), Сергич и Сторож («Декабристы»), Кутузов, старый князь Болконский и Долохов («Война и мир»). Солидный итог! А ведь в это же время А. Ведерников успел еще одержать блестящую победу (первая премия) на Берлинском международном конкурсе, посвященном 100-летию со дня смерти Шумана.

Разумеется, не все эти работы равноценны. Но посмотрите артиста хотя бы в ролях народного героя Сусанина и старого князя Болконского. Трудно представить себе более диаметрально противоположные партии — и по внешнему виду и психологии персонажей, и по музыкально-выразительным средствам, которыми наделяют их Глинка и Прокофьев. Мы убеждены, что вы уйдете из театра, унося с собой образы живых людей, какими ваше воображение много раньше нарисовало себе и героического сына России, и одну из самых колоритных фигур романа Льва Толстого.

У каждого музыканта есть свои любимцы, свой «круг избранных» авторов. Среди современных советских композиторов для А. Ведерникова таким является Г. Свиридов. Советский репертуар певца включает также сочинения Р. Бунина, М. Кусса, В. Мурадели, Р. Щедрина, О. Тактакишвили, Р. Яхина и других авторов, но к Г. Свиридову А. Ведерников испытывает своего рода пристрастие, находя у него образы, мысли и чувства, близкие своей душевной настроенности. Той же «монетой» платит молодому артисту и композитор. В удостоенной недавно Ленинской премии «Патетической оратории» сольная партия написана в расчете именно на творческую индивидуальность А. Ведерникова. И в том, что теперь «музыкальный» Маяковский получил права гражданства, есть заслуга и Александра Ведерникова, сумевшего найти такой исполнительский синтез, при котором вовсе не ощущается «швов» при переходе от пения к своеобразной ритмо-декламации, которую можно было бы назвать речитативом в чтении. Мощное «трибунное» звучание и ораторский пафос сопровождали и пение, и «речитатив в чтении», где каждый слог текста не читается, а интонируется в строго организованном музыкальном ритме. И там, и здесь все спаивалось ядушим изнутри накалом.

Радость творчества — в кропотливой работе, неведомой слушателю и скрытой от него, и она же — в живом и непосредственном отклике благодарной аудитории. Вот эту последнюю в полную меру испытал А. Ведерников в этом году на своем первом сольном концерте в Большом зале Консерватории.

Перед слушателями был певец чуткий и очень музыкальный, экспрессивный и эмоциональный, но ни в чем не теряющий чувства художественной меры. Это первое, о чем сразу же подумалось на концерте. Александр Ведерников не только тонко чувствующий, но и мыслящий артист.

Строгость и сдержанность, мужественная печаль романса «Сомнение» Глинки, искрящийся юмор Рондо Фарлафа, эпическая широта и величавость «Песни темного леса» Бородина, романс «Всю землю тьмой заволокло» из бернского вокального цикла Г. Свиридова, где Ведерников — и в этом нет преувеличения — достигает высот подлинной трагедийности, и свиридовская же «История про бублики и про бабу, не признающую республику», спетая как яркая песня-плакат, — многое в этом концерте было исполнено предельно выразительно, попросту мастерски.

И хочется подчеркнуть А. Ведерников не боится настоящего играть, он весь отдается актерскому перевоплощению, его мимика, жест, поза в тесном единстве с звуковой палитрой завершают художественный образ.

РАНО, конечно, говорить о том, что мастерство А. Ведерникова совершенно, что каждый из созданных им художественных образов отличается предельной законченностью, ибо не все еще уравновешено (да и не может еще быть этого): порой переклещивает актерское начало, порой голос «выдает тайну» того, что сама по себе вокальная школа требует неустанной шлифовки. Но начало артистического пути А. Ведерникова сложилось очень удачно. Впереди — интересные замыслы, новые работы в оперном театре, в области камерного репертуара. У певца есть все данные стать большим художником.

М. ТЕРОГАНЯН.